JEL: F13, F14, F23

УДК 339.5

DOI: [10.14530/se.2018.1.016-036](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.016-036)

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В АТР И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

И.А. Макаров, А.К. Соколова

Макаров Игорь Алексеевич – кандидат экономических наук, руководитель образовательной программы «Мировая экономика», доцент департамента мировой экономики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000. E-mail: imakarov@hse.ru. ORCID: 0000-0003-3519-3036

Соколова Анна Константиновна – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000. E-mail: aksokolova@hse.ru. ORCID: 0000-0002-3733-0295

Аннотация. Данная статья посвящена эволюции цепочек добавленной стоимости в АТР. Методология работы основывается на анализе данных из базы OECD – WTO Trade in Value Added (2016 г.). Он демонстрирует, что 1) для стран АТР характерна крайне высокая вовлеченность в цепочки добавленной стоимости; 2) внутриазиатские цепочки развиваются ускоренными темпами, отражая тенденцию к регионализации хозяйственных связей в АТР; она вызвана процессами трансформации внутри Китая, растущей дивергенцией доходов в регионе и развитием региональных интеграционных механизмов; 3) характер участия в цепочках добавленной стоимости различен по странам и претерпевает постоянные изменения. В частности, китайские производители переходят на более высокие звенья, а роль сборочного цеха в регионе передается странам АСЕАН. Участие России в цепочках добавленной стоимости в АТР на сегодня ограничивается ее ролью поставщика сырья.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, международная интеграция, международная торговля, Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия

Для цитирования: Макаров И.А., Соколова А.К. Эволюция цепочек добавленной стоимости в АТР и возможности для России // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 16–36. DOI: [10.14530/se.2018.1.016-036](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.016-036).

For citation: Makarov I.A., Sokolova A.K. Evolution of Value Added Chains in Asia Pacific Region and Opportunities for Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 1, pp. 16–36. DOI: [10.14530/se.2018.1.016-036](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.016-036). (In Russian).

© Макаров И.А., Соколова А.К., 2018

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ ПОТОКОВ И ИХ ОЦЕНКА ПО ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

По мере развития информационных и транспортных технологий, расширяющих возможности компаний размещать производственные мощности в разных странах мира, происходит процесс интернационализации мирового производства товаров и услуг. Интенсификация торговли на разных стадиях передела способствует повышению производительности отраслей экономики за счет использования преимуществ специализации.

Торговые потоки как между филиалами транснациональных компаний, так и между компаниями создали феномен, получивший название «глобальные цепочки добавленной стоимости». На сегодня они покрывают до 80% мировой торговли. Развитие глобальных цепочек проявляется в росте потоков торговли промежуточными товарами, на которые сейчас приходится более 50% импорта стран-членов ОЭСР и около 75% импорта ведущих развивающихся стран. По данным ОЭСР, 28% мирового совокупного экспорта включает в себя стоимость импортированных компонентов конечных товаров или услуг.

Получается, что традиционный подсчет объемов экспорта по валовой стоимости ведет к некорректной оценке состояния торговли, так как происходит двойной счет некоторых компонентов стоимости одного и того же товара (рис. 1). Фактически около 5 трлн долл. из 19 трлн долл. валовой стоимости мирового экспорта учитывается дважды (Trade..., 2012).

Рис. 1. Иллюстрация двойного учета в статистике международной торговли

Примечание: например, страна А экспортирует компоненты для электроприборов на 100 долл. (экспорт=100 долл.), в стране В происходит сборка стоимостью 10 долл., и готовые приборы экспортируются в страну С на сумму 110 долл. Стоимость компонентов в международной торговле была учтена 2 раза. В случае с цепочками добавленной стоимости поток добавленной стоимости 100 долл. (компоненты) осуществляется из страны А в страну С, и 10 долл. (сборка) – из страны В в страну С, т. е. двойного учета нет.

Источник: OECD – WTO..., 2013.

Для понимания реальной структуры торговли в условиях развития глобальных цепочек добавленной стоимости важно определить роль импортной продукции, необходимой для производства экспорта.

Показательным в этой связи выглядит пример производства аудиоплееров iPod компанией Apple в Китае. В конце 2000-х гг. конечная цена на плеер завода-изготовителя составляла 144 долл., в то время как китайская добавленная стоимость была ниже 10%, так как большая часть компонентов (стоимостью около 100 долл.) ввозилась в КНР из Японии, а оставшееся – из США и Республики Корея (Dedrick et al., 2010). Что касается iPhone, лишь около 10 долл. от стоимости одного смартфона выплачивается китайским рабочим в качестве заработной платы (Kraemer et al., 2011).

Участие отдельной страны в глобальных цепочках добавленной стоимости возможно как в качестве места переработки импортных компонентов конечной продукции, так и в качестве поставщика ресурсов или полуфабрикатов, служащих для дальнейшей переработки. Объемы внутриотраслевой торговли промежуточными товарами в этой связи становятся мерой участия стран в глобальных цепочках добавленной стоимости.

При этом важно оценить две составляющие добавленной стоимости экспорта страны:

- доля стоимости зарубежной компоненты, т. е. товаров, используемых в дальнейшем производстве на территории страны, в стоимости экспорта страны;
- доля стоимости национальной компоненты, т. е. экспортируемых данной страной промежуточных товаров, используемых третьими странами для производства собственного экспорта, в стоимости экспорта страны¹.

Если сложить эти две компоненты, получим меру уровня участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Глобальные цепочки добавленной стоимости стали одним из факторов быстрого роста международной торговли в 1990–2000-е гг. В среднем по миру уровень участия в них национальных экономик, измеряемый как сумма «зарубежной» и «национальной» компонент, вырос с 1995 по 2008 г. с 46,3 до 55% (рис. 2).

¹ Зарубежная компонента – это та часть экспорта страны А, которая представлена добавленной стоимостью других стран (откуда А импортирует промежуточные товары), т. е. что «чужого» страна передает дальше в своем экспорте. Национальная компонента – это та часть экспорта страны А, которая используется другими странами в производстве своих товаров, т. е. что свое промежуточное страна передает дальше в экспорте.

Рис. 2. Участие стран мира в цепочках добавленной стоимости в 1995–2013 гг., %
Источник: World..., 2016.

Основная причина, по которой это произошло, – снижение торговых издержек, т. е. тех затрат, которые сопровождают любую трансграничную сделку. В первую очередь, они определяются тарифными и нетарифными барьерами, издержками на транспортировку, а также широким набором транзакционных издержек (поиск информации, ведение переговоров и т. д.), сопровождающих трансграничные сделки. С 1995 по 2008 г. средняя ставка таможенного тарифа в развитых странах снизилась с 5,9 до 3,7%, а в развивающихся – с 17,9 до 10,3% (World..., 2016). Более того, каждый год создавались новые зоны свободной торговли, устраняющие тарифы между странами-членами. Нетарифные барьеры за этот же период росли, но вызванное ими торможение торговли было относительно незначительным по сравнению с импульсом от снижения тарифов. Транспортные издержки, выраженные как в скорости доставки, так и в затратах на нее, в рассматриваемый период также резко снизились под влиянием развития технологий, расширения инфраструктуры и роста торгового флота. То же можно сказать и про транзакционные издержки, сократившиеся благодаря удешевлению средств коммуникации и особенно распространению сети Интернет.

Торговые издержки можно выразить как разницу между ценой производителя-экспортера и ценой потребителя-импортера (Head and Ries, 2001; Novy, 2012). Почти по всем товарам отношение экспортной и импортной цены с 1995 по 2008 г. снизилось на 5–10 п. п., что существенно облегчило любые международные транзакции (World..., 2016).

Расширение участия стран в глобальных цепочках добавленной стоимости привело к резкому усилению взаимозависимости между промышленными кластерами и компаниями по всему миру. Исследования показывают, что особенно быстро росли межрегиональные цепочки добавленной стоимости (Los et al., 2015). Как правило, они связывали три мировых центра: Северную Америку, Европу и Восточную Азию. Сложилось четкое разделение: в первых двух регионах преобладали звенья цепочек, отвечающие либо за разработку технологической основы товара (в случае с высокотехнологичными продуктами), либо за доведение его до нужд потребителя (в случае со всеми прочими товарами); Восточная Азия отвечала за все остальные этапы производства, превратившись в настоящую фабрику мира. Другие регионы участвовали в глобальных цепочках добавленной стоимости в основном как поставщики ресурсов. Впрочем, на фоне роста цен на ресурсы в 2000-х гг. их вовлеченность в цепочки быстро росла.

Ситуация стала меняться после финансово-экономического кризиса. Торговые издержки перестали падать. Таможенные тарифы стабилизировались; транспортные издержки, похоже, приблизились к минимально возможному с технической точки зрения порогу. Зато интенсивнее стали расти нетарифные барьеры – основной инструмент набравшего силу в последние годы протекционизма (Global..., 2017). С одной стороны, на фоне сложностей послекризисного восстановления и прекращения роста уровня жизни протекционистские меры пользуются все большей поддержкой уже не только в развивающихся, но и в развитых странах, чем с удовольствием пользуются популисты. С другой стороны, происходит политизация международной торговли. Так, все более широко распространенным элементом внешней политики становятся санкции.

Даже большее значение, чем протекционизм, имеют структурные сдвиги в мировой экономике. Быстрый рост развивающихся стран на фоне экономических трудностей в развитых приводит к конвергенции доходов между регионами. Одновременно внутри ключевых регионов (Восточной Азии, Европы, Северной Америки) растет неравенство. Таким образом, расширяются возможности для разделения труда и развития взаимодополняющих производств внутри регионов и сужаются – между регионами. Как следствие, усиливается регионализация международной торговли. Особенно это характерно для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где с 2014 по 2016 г. доля внутрирегиональной торговли в валовом товарообороте стран выросла с 39 до 47%¹. Это означает, что вместо типичной для 1990–

¹ Здесь и далее под странами АТР мы будем понимать Китай, Японию, Республику Корея, страны АСЕАН, а также Индию, которая, хотя географически не относится к бассейну Тихого океана, традиционно рассматривается в российской литературе и внешнеполитической экспертизе как часть этого макрорегиона.

2000-х гг. модели «Азия для мира», в которой АТР выступал мировой фабрикой, складывается модель «Азия для Азии» (Бордачев и др., 2015), в которой все больше азиатских торговых потоков замыкается внутри региона, в первую очередь – на Китае.

К сожалению, оценки вовлеченности стран в глобальные цепочки добавленной стоимости не очень точны и всегда запаздывают¹. Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют с полной уверенностью судить лишь о периоде вплоть до 2013 г. (а на уровне отдельных стран – даже 2011–2012 гг.). Тем не менее по косвенным признакам можно утверждать, что:

- страны мира до сих пор не достигли степени вовлеченности в глобальные цепочки добавленной стоимости, которую они демонстрировали в преддверии финансово-экономического кризиса (*рис. 2*); это, в свою очередь, одна из ключевых причин аномального замедления международной торговли, наблюдаемого в послекризисные годы;
- цепочки добавленной стоимости регионализуются, что влечет за собой наблюдаемую регионализацию международных торговых потоков.

СТРУКТУРА ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В АТР И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Общая картина

Главным фактором изменения в географии цепочек добавленной стоимости в АТР и в мире в целом является трансформация социально-экономической модели КНР. Рост доходов и развитие технологий, а также переориентация на внутреннее потребление как главный драйвер экономики приводят к тому, что китайский экспорт все в большей степени начинает зависеть от полуфабрикатов, произведенных внутри страны, а китайские компании все чаще выходят на конкурентные рынки высокотехнологичных товаров.

Как следствие, в последние годы в Азии наблюдается регионализация цепочек добавленной стоимости и торгово-экономических связей в целом. Ее толкает вперед сеть соглашений о свободной торговле, пронизавшая уже практически весь регион. Вместе с тем, в АТР в географической близости расположены страны, находящиеся на разном уровне социально-экономического развития и обеспеченности ресурсами (в том числе человеческими), имеющие сравнительные преимущества в производстве товаров, относящихся к разным звеньям глобальных цепочек добавленной стоимости. Это также способствует внутрирегиональной кооперации.

¹ Расчеты, касающиеся участия стран в цепочках добавленной стоимости, осуществляются на основе межрегиональных таблиц «затраты – выпуск», которые, в свою очередь, составляются на базе национальных таблиц. Последние готовятся разными странами с разной периодичностью и зачастую по разной методологии.

Одним из косвенных показателей участия стран в международных производственных цепочках являются объемы торговли промежуточными товарами. Торговля такими товарами является важной и растущей компонентой международной торговли в АТР. Однако ее динамика неравномерна. Если торговые потоки промежуточных товаров из Японии и Республики Корея в Китай сократились, то в обратном направлении – продолжают расти. А главными направлениями международной торговли промежуточными товарами в АТР уже с конца 2000-х гг. становятся направления: страны АСЕАН – КНР и КНР – страны АСЕАН.

Уровень участия стран АТР и России в глобальных цепочках добавленной стоимости, сложившийся к 2011 г. (последние доступные данные), продемонстрирован на рисунке 3.

Рис. 3. Участие стран АТР и России в цепочках добавленной стоимости в 2011 г., %
Источник: Trade..., 2016.

Лидерами по этому показателю являются такие страны как Тайвань, Республика Корея, Сингапур и Малайзия (более 60% экспорта этих стран либо включает импортную добавленную стоимость, либо представлено промежуточными товарами, используемыми их торговыми партнерами для производства экспортной продукции). Отметим, что в экспорте товаров существенная доля добавленной стоимости зачастую приходится на услуги (Игнатенко и др., 2017).

В сравнении с другими регионами Восточная и Юго-Восточная Азия характеризуется высоким уровнем участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, преимущественно на средних звеньях. Россия также сильно интегрирована в глобальные цепочки, но ее участие отличает преобладание национальной компоненты, что логично, учитывая сырьевую структуру экспорта. Индия, в силу географических и исторических причин, пока относительно слабо интегрирована в глобальные цепочки добавленной стоимости, в то же время рост ее вовлеченности максимально быстрый.

В целом по региону глобальные цепочки добавленной стоимости являются наиболее выраженными в таких отраслях, как автомобильная промышленность, производство электроники, текстильная промышленность и производство одежды. Причина состоит в том, что эти отрасли предполагают большое количество этапов производства, которые могут быть разделены между участниками рынка с учетом их специализации. Наименее вовлеченной в глобальные цепочки считается сельскохозяйственная продукция, поскольку стадии ее производства (выращивания) сложно разнести по разным странам.

Китай

Китай с 1990–2000-х гг. прошел три этапа участия в цепочках добавленной стоимости. На первом он выступал преимущественно сборочным цехом, импортируя технологии из развитых стран (в первую очередь, США и Японии) и осуществляя производство компонентов, а в отдельных случаях и сборку на экспорт. После вступления в ВТО в 2001 г. такая стратегия позволила резко нарастить участие страны в цепочках добавленной стоимости (*рис. 2*), при этом основная добавленная стоимость в китайском экспорте происходила из развитых стран (*табл. 1*).

Параллельно наблюдалось наращивание низкотехнологичного экспорта (ширпотреб, игрушки и др.) (*рис. 4*), однако эти отрасли не были вовлечены в международные цепочки – весь цикл производства был локализован в Китае.

На втором этапе, четко оформившемся примерно в 2006–2007 гг., Китай стал замещать импортируемые технологии собственными. Это позволило сократить долю зарубежной компоненты в китайском экспорте – в основном за счет снижения доли японской и корейской добавленной стоимости в китайских товарах (*табл. 1*). В то же время национальная компонента в экспорте росла, не позволяя снижаться общему коэффициенту вовлеченности страны в цепочки добавленной стоимости. Именно в этот период в китайских технопарках расположились японские, корейские и западные компании, начинающие здесь производственный цикл.

Таблица 1

Доля зарубежной компоненты в экспорте стран АТР, 2000 и 2011 гг.,
% от валового экспорта

Экспортер	Год	Доля страны в зарубежной компоненте								Всего зарубежная компонента
		Ведущие страны АТР							Прочие страны	
		Китай	Япония	Гонконг	Республика Корея	Индия	Тайвань	Страны АСЕАН		
Китай	2000	–	7,7	1,2	3,2	0,3	3,0	2,7	18,0	36,1
	2011	–	4,7	0,5	2,7	0,7	1,9	3,1	18,6	32,2
Япония	2000	0,4	–	0,1	0,4	0,0	0,4	0,9	5,2	7,4
	2011	2,2	–	0,1	0,6	0,2	0,3	1,7	9,6	14,7
Республика Корея	2000	1,2	6,0	0,2	–	0,2	0,9	2,7	18,5	29,7
	2011	4,7	5,0	0,3	–	0,8	0,8	3,7	26,4	41,7
Вьетнам	2000	1,6	4,7	0,5	3,3	0,3	2,8	4,1	10,0	27,3
	2011	6,3	3,7	0,2	2,9	0,9	1,6	5,4	15,3	36,3
Индия	2000	0,3	0,4	0,1	0,2	–	0,1	0,5	9,7	11,3
	2011	2,0	0,6	0,2	0,4	–	0,2	1,8	18,7	23,9

Источники: Trade..., 2012; Trade..., 2015; Trade..., 2016.

В целом с 2000 по 2011 г. зарубежная компонента добавленной стоимости в экспорте увеличилась в 6,5 раза, национальная – в 9 раз, что привело к падению доли первой в экспорте КНР на 3,8 п. п. (табл. 1). Китай, таким образом, нарастил собственную добавленную стоимость в экспорте (суммарно в готовой продукции и в промежуточных товарах), двигаясь в сторону верхних звеньев цепочки добавленной стоимости за счет замещения импортных технологий и привлечения высокотехнологичных фирм внутрь страны (Trade..., 2015). К 2011 г. максимальной доли национальной добавленной стоимости в экспорте промежуточной и готовой продукции Китай добился в производстве транспортных средств (70%), текстильной промышленности (73%), производстве машин и оборудования (70%). Так Китай фактически перешел к специализации на средне- и высокотехнологичных товарах.

С 2011–2012 гг. начинается третий этап участия Китая в цепочках добавленной стоимости. Рост экспорта страны постепенно замедляется, а в 2016 г. и вовсе достигает казавшихся ранее невероятными для Китая отрицательных значений. Вовлеченность в международные цепочки добавленной стоимости, достигнув максимума в 2011 г., далее идет на спад. По многим товарам весь производственный цикл переносится внутрь Китая: разные стадии производства при этом могут осуществляться в разных провинци-

ях. С другой стороны, усиливается торговля промежуточными товарами с АСЕАН. Происходит аутсорсинг трудоемких стадий производства во Вьетнам, Таиланд, Индонезию, Камбоджу и т. д., что увеличивает добавленную стоимость стран АСЕАН в китайском импорте. С другой стороны, Китай начинает экспортировать в эти страны технологии, делая примерно то же самое, что делали в начале 2000-х гг. Япония, Республика Корея и США в отношении самого Китая. Вероятно, в ближайшие годы по такому же принципу будет расширяться и сотрудничество с Индией и Бангладеш.

Рис. 4. Экспорт КНР по категориям товаров в 2000–2015 гг., млрд долл.

Примечание. На основе классификации (Lall, 2000): низкотехнологичные отрасли (сырьевые товары, включая продукцию сельского хозяйства и продукты питания); продукция промышленного производства с использованием низко- и среднетехнологичных процессов (текстильная, швейная промышленность, обувь, изделия из стекла и глины; продукция химической промышленности, автомобили, машиностроение); высокотехнологичная продукция (высокотехнологичные отрасли машиностроения и электронного оборудования (авиационно-космическое, телекоммуникационное оборудование; радиоактивные вещества; электродиагностическое медицинское оборудование и фармацевтическая продукция).

Источник: UNCTADSTAT..., 2017.

Япония и Республика Корея

Вовлеченность Японии и Республики Корея в региональные цепочки добавленной стоимости также претерпела с 2000 г. ряд изменений, которые, впрочем, имели принципиально отличный от Китая характер.

В начале 2000-х гг. доля зарубежной компоненты в экспорте этих стран была относительно невысокой (*табл. 1*). Особенно это касается Японии, компании которой в тот момент весьма слабо инвестировали за рубеж. В зарубежной компоненте доминировали нерегиональные игроки (в основном страны-экспортеры ресурсов). В экспорте Республики Корея, которая в начале 2000-х гг. еще находилась в стадии догоняющего развития, присутствовала японская добавленная стоимость – в основном в виде импорта технологий из Японии. В отношении остальных стран региона и Япония, и, в меньшей степени, Республика Корея выступали поставщиками технологий.

Ближе к концу 2000-х гг. начался процесс переноса производств: в первую очередь, в Китай. Как следствие, стала расти доля китайской добавленной стоимости в экспорте Японии и Республики Корея. Японские и корейские компании, пользуясь благоприятными условиями китайских свободных экономических зон, выигрывали от низких трудовых издержек, Китай же размещал на своей территории относительно высокотехнологичные производства.

Обострение японско-китайских отношений в 2010 г., когда случился инцидент у островов Сенкаку, поначалу никак не повлияло на эту кооперацию. Более того, Китай, объявив эмбарго на экспорт в Японию редкоземельных металлов, необходимых для производства современной электроники, фактически вынудил ее размещать в Китае еще больше высокотехнологичных производств. Правда, спустя несколько лет Япония нашла альтернативные источники снабжения редкоземельными металлами, а в самом Китае начались протесты против японского присутствия и массовые призывы к отказу от японских товаров (многие из которых фактически были произведены в Китае). Это постепенно привело к снижению кооперации.

Что касается китайско-корейского сотрудничества, то в ответ на размещение в Республике Корея системы ПРО THAAD, которую многие в Китае восприняли как непосредственную угрозу, китайская политика оказалась гораздо более радикальной. Против Республики Корея фактически были введены полномасштабные санкции, хотя факт их существования открыто не признавался, а давление на корейские компании объяснялось формальными причинами (например, невыполнением требований пожарной безопасности). В конце концов санкции были сняты, но конфликт поставил вопрос об устойчивости китайско-корейского экономического сотрудничества.

Впрочем, значимость размещения в Китае японских и корейских производств постепенно снижается и в отрыве от политического фактора. Уро-

вень заработных плат, как и технологического развития, в прибрежных провинциях Китая постепенно сравнивается с японским и корейским, а значит стимулы к инвестициям снижаются. В то же время фокус внимания Японии и Республики Корея постепенно смещается в сторону стран АСЕАН, куда и передвигается начало большинства цепочек добавленной стоимости. Этот процесс начал ускоряться после заключения соглашений о ЗСТ Республика Корея – АСЕАН и Япония – АСЕАН в 2007 и 2008 гг. Вероятно, он лишь усилится, если вступит в силу соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве, объединяющее 11 стран АТР и пришедшее на смену первоначальной задумке ТТП, сорвавшейся в связи с демаршем США после избрания Д. Трампа.

Страны АСЕАН

Положение стран АСЕАН в структуре региональных цепочек добавленной стоимости складывается из следующих компонентов.

1. По причине низких трудовых издержек туда перемещается часть низкотехнологичных производств из Китая. Речь идет преимущественно об Индонезии, Вьетнаме и Камбодже (Yang, 2016). При этом внутри АСЕАН за размещение подобных производств также разворачивается конкуренция. Так, например, в последние годы производство некоторых текстильных фабрик было перенесено из Вьетнама в Камбоджу в силу еще более низких трудовых затрат.

2. Страны АСЕАН являются получателями технологий из Японии, Республики Корея, Китая и западных стран.

3. В странах АСЕАН разворачивается производство компонентов для производителей из других азиатских государств.

Во многом страны АСЕАН в совокупности в настоящее время выполняют в регионе такую же роль, какую Китай выполнял в 1990–2000-е гг. Наиболее типичной страной АСЕАН в сфере участия в цепочках добавленной стоимости является Вьетнам: он сочетает все три компонента, перечисленные выше. В этой стране размещаются низкотехнологичные производства, требующие низких трудовых затрат; аккумулируются технологии из более развитых стран, позволяющие производить бытовую технику и электронику; производятся узлы и компоненты для высокотехнологичных производств в Японии и Китае. При этом Вьетнам постепенно усиливает свое участие в региональных и глобальных цепочках добавленной стоимости (табл. 1), и эта тенденция, очевидно, продолжается и после 2011 г., по которому имеются последние данные. Рост зарубежной компоненты в экспорте Вьетнама обеспечивается преимущественно Китаем и Японией, а отчасти – и странами Запада.

Индия

Индия в наименьшей степени вовлечена в цепочки добавленной стоимости в АТР, однако заметно увеличение в ее экспорте доли промежуточных товаров, используемых КНР и странами АСЕАН для производства собственного экспорта (*табл. 1*), в особенности для экспорта электроники, химической продукции, текстиля, а также строительных услуг. Индия вовлекается в хозяйственные связи АТР в первую очередь как поставщик промежуточных товаров, имеющий конкурентное преимущество в виде низких трудовых затрат. Это уже по состоянию на 2011 г. заметно в зарубежной компоненте экспорта Китая и Вьетнама, а с тех пор участие Индии в региональных цепочках добавленной стоимости продвинулось далеко вперед. В 2010 г. заключено соглашение о ЗСТ АСЕАН – Индия, а сотрудничество с АСЕАН стало превращаться в один из приоритетов индийской внешней политики.

Нынешнее индийское руководство – премьер Н. Моди и глава МИД С. Сварадж – провозгласили новую политику Act East вместо старой Look East. Такая смена формулировок предполагала, что Индии пора перестать просто смотреть на восток, а необходимо активно интегрироваться в него. Так, Нью-Дели намерен играть более активную роль в АТР и укреплять и поддерживать отношения со странами АСЕАН, а также с традиционным партнером Индии в регионе – Японией (Plan..., 2016; Baruah, 2016). Вместе с тем, с точки зрения цепочек добавленной стоимости Индию по-прежнему сложно считать полноценной частью АТР: ключевыми партнерами для нее выступают государства Запада.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В АТР И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЦЕПОЧКАМИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Эволюция цепочек добавленной стоимости тесно связана с процессами региональной интеграции. С одной стороны, она усиливает участие сторон интеграционных проектов в цепочках добавленной стоимости – в силу снижения пошлин и других барьеров для торговли. С другой стороны, высокий уровень участия стран в таких цепочках увеличивает шансы на заключение интеграционных соглашений (Global..., 2015).

Эффект влияния региональной интеграции на глобальные цепочки добавленной стоимости оценивается с помощью экономического моделирования. Например, в исследовании (Orefice, Rocha, 2014) показано, что экспортные возможности в рамках цепочек добавленной стоимости гораздо выше в случае, если страны участвуют в региональном интеграционном соглашении. При этом эффект более значителен для торговли промежуточ-

ными товарами, а не готовой продукцией. АТР буквально пронизан интеграционными соглашениями (табл. 2). При этом действующие интеграционные форматы двигаются в сторону более «глубокой» степени интеграции, и таким примером является АСЕАН (Демина, 2017). Так, соглашения формата АСЕАН+1 объединяют АСЕАН со всеми странами региона. Два новых двусторонних соглашения вступили в силу в 2016 г. – ЗСТ Китай – Республика Корея и Китай – Австралия. Вступление в силу ЗСТ Китай – Республика Корея отложило на неопределенный срок заключение трехсторонней ЗСТ Япония – Республика Корея – Китай, которое планировалось в течение последних лет. Тем не менее переговоры по ЗСТ продолжаются, и потенциально заключение такого трехстороннего соглашения привело бы к созданию одного из крупнейших торговых блоков, объединяющего страны с общим ВВП 16,7 трлн долл. Достигнута договоренность о выработке нового текста соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (теперь без США и под новым названием «Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство»), продолжаются переговоры о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, включающем не участвующие в ТТП Китай, Республику Корея и Индию.

Таблица 2

Действующие соглашения о свободной торговле между странами-участниками переговоров по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (в ячейках – год вступления в силу)

Регион	Республика Корея	Япония	Китай	Индия	Австралия	Новая Зеландия	АСЕАН
Республика Корея	–		2016	2010	2014	2015	2007
Япония		–		2007	2015		2008
Китай	2016		–		2016	2008	2005
Индия	2010	2007		–			2010
Австралия	2014	2015	2016		2010		
Новая Зеландия	2015		2008				
АСЕАН	2007	2008	2005	2010			1993

Источник: составлено авторами.

Рассмотрим более детально соглашения типа АСЕАН+1, а именно – то, как правила происхождения товаров в рамках таких соглашений могут повлиять на регионализацию цепочек добавленной стоимости. Всего существует 4 базовых типа правил происхождения товаров (ППТ) (ASEAN+1..., 2010):

1. Товар, полностью произведенный в стране (Wholly Obtained, WO).
2. Доля региональной добавленной стоимости (Regional Value Content, RVC).

3. Изменение товарной категории (Change in Tariff Classification, CTC).

4. Конкретная процедура переработки (Specific Process Rule, SPR).

В случае с первым правилом проблем не возникает, так как товар полностью произведен в одной стране – это в основном товары растительного и животного происхождения. Однако по мере технологического развития и глобализации мирового производства большинство товаров начинают производиться в нескольких странах. По правилу RVC, чтобы товар мог претендовать на бесполоштинную торговлю в рамках АСЕАН+1, доля добавленной стоимости товара, произведенной в странах соглашения, должна составлять не менее 40%. Правило изменения товарной категории как показатель значительной степени переработки, как правило, предполагает изменение на уровне четырехзначной категории, реже – шестизначной (более детальная классификация товаров). Наконец, многие ЗСТ используют требование конкретной процедуры переработки, т. е. осуществление конкретного производственного процесса на территории стран-участниц ЗСТ. В таблице 3 представлены правила происхождения товаров в рамках существующих соглашений АСЕАН+1.

Таблица 3

**Использование правил происхождения товаров
в соглашениях АСЕАН+1**

ЗСТ	Критерии	Детали
АСЕАН	1. WO 2. RVC 3. CTC 4. SPR	RVC не менее 40% или изменение на уровне 4-значной классификации
АСЕАН – Китай	1. WO 2. RVC 3. CTC	RVC не менее 40% или изменение на уровне 4-значной классификации
АСЕАН – Республика Корея	1. WO 2. RVC 3. CTC 4. SPR	RVC не менее 40% или изменение на уровне 4-значной классификации
АСЕАН – Япония	1. WO 2. RVC 3. CTC 4. SPR	RVC не менее 40% или изменение на уровне 4-значной классификации
АСЕАН – Австралия – Новая Зеландия	1. WO 2. RVC 3. CTC 4. SPR	RVC не менее 40% или изменение на уровне 4-значной классификации
АСЕАН – Индия	1. WO 2. RVC	RVC не менее 35% или изменение на уровне 6-значной классификации

Источник: ASEAN+1..., 2010.

Ключевой особенностью соглашений типа АСЕАН+1 является кумулятивный принцип, предполагающий, что добавленная стоимость, созданная на разных этапах производства в разных странах-участницах соглашения, аккумулируется для проверки соответствия критерию RVC происхождения товара в АСЕАН. Подобный принцип усиливает стимулирующий эффект соглашения для региональных цепочек добавленной стоимости.

Соглашения формата АСЕАН+1 объединяют все страны-участницы переговоров по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП). Большинство из них уже достигли высоких значений товарооборота между собой. Доля торговли между участниками соглашения в их валовом импорте достигла в 2015 г. 50% и продолжает расти. Тем не менее, с учетом наличия среди потенциальных сторон ВРЭП такой тяжелой для переговоров страны, как Индия, заключить соглашение будет непросто. Вместе с тем, с учетом имеющегося высокого уровня либерализации и отсутствия жестких требований к правилам происхождения товаров, маловероятно, что ВРЭП станет важным фактором для дальнейшей регионализации цепочек добавленной стоимости.

Новый вариант Транстихоокеанского партнерства, теперь уже без участия США, вероятно, будет запущен быстрее. Большинство стран-участниц соглашения заинтересованы в том уровне либерализации торговли, который был задан исходным ТТП, а также в унификации условий ведения бизнеса в регионе. В пользу соглашения играет и то, что оно не включает Китай, который большинство стран АТР рассматривают как угрозу, а также Индию – наиболее сложного переговорщика. Правила происхождения в исходном соглашении о ТТП различаются по отраслям, но в принципе сопоставимы с теми, что уже действуют в ЗСТ АСЕАН+1. Однако, в отличие от ВРЭП, ТТП может способствовать регионализации цепочек добавленной стоимости за счет унификации условий ведения бизнеса. В первую очередь, для японских компаний будет легче инвестировать в страны АСЕАН.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Есть два реалистичных варианта вовлечения России (в первую очередь, ее восточных регионов) в цепочки добавленной стоимости АТР:

1. Вовлечение в качестве поставщика сырья и ресурсных компонентов, из которых страны АТР создают готовую продукцию, далее отправляемую на экспорт.

2. Вовлечение в более высокие звенья региональных цепочек добавленной стоимости: например, как база для промышленного производства продукции, далее отправляемой на экспорт.

Первый вариант наиболее прост и де-факто уже реализуется. Добавленная стоимость, созданная в России, представлена преимущественно добычей полезных ископаемых, продукцией химической промышленности и металлургии. Страны АТР используют сырье из России для производства экспортных товаров в таких отраслях, как химическая промышленность и металлургия, производство электроники и транспортных средств. Главная проблема этого варианта состоит в том, что он слабо способствует диверсификации экономики и избавлению от ресурсной зависимости.

Второй вариант достаточно сложен для реализации. С учетом экономического разнообразия АТР России не так просто найти ниши, в которых она может быть конкурентоспособна по сравнению с каждой из стран региона. Тем не менее три важных преимущества у России имеются:

1. Географическая близость к трем главным экономикам региона: Китаю, Японии и Республике Корея.

2. Хорошие отношения с каждой из этих стран на фоне их многочисленных конфликтов между собой.

3. Низкие трудовые издержки: заработная плата в промышленности после девальвации рубля оказалась существенно ниже, чем в Китае (2,7 против 3,6 долл. в час). В Японии и Республике Корея трудовые затраты несопоставимо выше.

Можно представить себе ситуацию размещения промышленных производств (как азиатских, так, в перспективе, и западных) на российском Дальнем Востоке для дальнейшей поставки продукции в какую-то из стран АТР. Это особенно уместно во Владивостоке или других территориях, где режим порто-франко упрощает таможенные формальности. Отрасли, к которым такая модель в наибольшей степени применима, – это автомобилестроение, производство оборудования и некоторых типов бытовой техники (например, кондиционеров).

Сложностью является то, что ни между Россией и Японией, ни между Россией и Китаем нет зоны свободной торговли. Таможенные тарифы удорожают создание отдельного производственного звена в России, что может быть существенно для конкуренции со странами АСЕАН, которые соответствующие соглашения и с Китаем, и с Японией имеют, а потому могут выигрывать за счет отсутствия таможенных пошлин.

Вместе с тем, Республика Корея и Китай имеют между собой ЗСТ, что, с учетом наличия режима свободного порта Владивосток, позволяет организовывать промежуточные производства без необходимости волноваться о пошлинах.

Важным плюсом организации на территории Дальнего Востока российско-японских и российско-корейских производств, ориентированных на

экспорт в Китай, является то, что они, в отличие от японских и корейских, в меньшей степени подвержены политическим рискам. Создание производств в России вполне может рассматриваться японскими и корейскими производителями как возможность минимизации потерь от новых конфликтов с Китаем.

Безусловно, для интеграции России в цепочки добавленной стоимости АТР важно наращивать свое участие в действующих в регионе интеграционных механизмах. Однако парадоксально, что дополнительные возможности для встраивания Дальнего Востока в региональные цепочки добавленной стоимости создает либерализация торговли в АТР, даже если Россия в ней не участвует. В случае если Россия выступает поставщиком сырья, это происходит за счет того, что требования к происхождению товаров в большинстве ЗСТ не очень жесткие, а сама торговля товарами, использующими сырье и компоненты из России, между странами АТР облегчается. В случае если Россия выступает базой для размещения промышленных производств, наличие соглашения о ЗСТ между страной, к которой принадлежит партнер предприятия, и страной конечного рынка способно избавить товар от таможенных пошлин. Это важный фактор, который может сделать совместные производства на территории, обладающей статусом свободного порта, более привлекательными, чем самостоятельное производство в России готовой продукции для экспорта в АТР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бордачев Т.В., Лихачева А.Б., Чжан С.* Чего хочет Азия? // Россия в глобальной политике. 2015. Т. XIII. № 1. С. 82–95.
- Дёмина Я.В.* Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 16–40. DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040.
- Игнатенко А.С., Индрисова В.В., Литвинова Ю.О.* Анализ глобальных цепочек в моделях международной торговли. М.: Дело, 2017. 124 с.
- ASEAN+1 FTAs and Global Value Chains in East Asia / ERIA Research Project Report 2010. No. 29. 362 p. URL: http://www.eria.org/publications/research_project_reports/images/pdf/y2010/no29/FY_2010_ERIA_RPR_No.29_All_file.pdf (дата обращения: июль 2017).
- Baruah D.* Toward Strategic Economic Cooperation Between India and Japan / Carnegie India. 2016. December 01. URL: <http://carnegieindia.org/2016/12/01/toward-strategic-economic-cooperation-between-india-and-japan-pub-66326> (дата обращения: август 2017).
- Dedrick J., Kraemer K.L., Linden G.* Who Profits from Innovation in Global Value Chains?: A Study of the iPod and Botebook PCs // Industrial and Corporate Change. 2010. Vol. 19. Issue 1. Pp. 81–116. DOI: 10.1093/icc/dtp032.
- Global Trade Alert. 2017. URL: http://www.globaltradealert.org/data_extraction (дата обращения: август 2017).

- Global Value Chains and Interconnectedness of Asia-Pacific Economies // Asia-Pacific Trade and Investment Report: Supporting Participation in Value Chains / United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP). 2015. November 2. Pp. 103–138. URL: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Chapter%207%20-%20GVCs%20in%20the%20Asia-Pacific.pdf> (дата обращения: июль 2017).
- Head K., Ries J.* Increasing Returns versus National Product Differentiation as an Explanation for the Pattern of U.S. – Canada Trade // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 4. Pp. 858–876. DOI: 10.1257/aer.91.4.858.
- Kraemer K.L., Linden G., Dedrick J.* Capturing Value in Global Networks: Apple's iPad and iPhone / PCIC. 2011. 11 p. URL: http://pcic.merage.uci.edu/papers/2011/value_ipad_iphone.pdf (дата обращения: июль 2017).
- Lall S.* The Technological Structure and Performance of Developing Country Manufactured Exports, 1985–1998 // *Oxford Development Studies*. 2000. Vol. 28. Issue 3. Pp. 337–369. DOI: 10.1080/713688318.
- Los D., Timmer M., De Vries G.* Global Value Chains: 'Factory World' is Emerging // *The Age of Global Value Chains: Maps and Policy Issues* / Edited by J. Amador, F.Di Mauro. London: CEPR Press, 2015. Pp. 36–47. URL: <http://www.iberglobal.com/files/2016-2/GVCs-ebook.pdf> (дата обращения: август 2017).
- Novy D.* Gravity Redux: Measuring International Trade Costs with Panel Data // *Economic Inquiry*. 2012. Vol. 51. Issue 1. Pp. 101–121. DOI: 10.1111/j.1465-7295.2011.00439.x.
- OECD – WTO Database on Trade in Value-Added / OECD – WTO. 2013. 4 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statist_e/miwi_e/tradedataday13_e/oecdbrochurejanv13_e.pdf (дата обращения: июнь 2017).
- Orefice G., Rocha N.* Deep Integration and Production Networks: An Empirical Analysis // *World Economy*. 2014. Vol. 37. Issue 1. Pp. 106–136. DOI: 10.1111/twec.12076.
- Plan of Action to Implement ASEAN-India Partnership / ASEAN. 2015. URL: <http://asean.org/asean/external-relations/india/> (дата обращения: август 2017).
- Trade in Value Added / OECD – WTO. 2016. DOI: 10.1787/data-00648-en.
- Trade in Value Added: China / OECD – WTO. 2015. 8 p. URL: https://www.oecd.org/sti/ind/tiva/CN_2015_China.pdf (дата обращения: август 2017).
- Trade in Value-Added: Concepts, Methodologies and Challenges / OECD – WTO. 2012. 28 p. URL: <http://www.oecd.org/sti/ind/49894138.pdf> (дата обращения: июнь 2017).
- UNCTADSTAT Database / UNCTAD. 2017. URL: <http://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: август 2017).
- World Economic Outlook: Subdued Demand: Symptoms and Remedies / International Monetary Fund. 2016. October 4. 288 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/Subdued-Demand-Symptoms-and-Remedies> (дата обращения: август 2017).
- Yang C.* Relocating Labour-Intensive Manufacturing Firms from China to Southeast Asia: A Preliminary Investigation // *Bandung: Journal of the Global South*. 2016. No. 3. DOI: 10.1186/s40728-016-0031-4.

EVOLUTION OF VALUE ADDED CHAINS IN ASIA PACIFIC REGION AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

I.A. Makarov, A.K. Sokolova

Igor Alekseevich Makarov – Candidate of Economics, Associate professor at the Department of Global Economy, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: imakarov@hse.ru.

ORCID: 0000-0003-3519-3036

Anna Konstantinovna Sokolova – Junior research fellow at the Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: aksokolova@hse.ru.

ORCID: 0000-0003-3519-3036

Abstract. This paper examines the changing patterns of transnational value chains in the Asia-Pacific region. The methodology is based on the analysis of data extracted from the OECD – WTO Trade in Value Added Database (2016). The study demonstrates that 1) Asia-Pacific countries show extremely high involvement in the global value chains; 2) intra-Asian value chains develop at a fast pace, reflecting the trend towards regionalization of economic ties in Asia-Pacific (caused by the processes of transformation within China, the growing income divergence in the region and the development of regional integration mechanisms); 3) the level of participation in global value chains differs across countries and is subject to constant changes. In particular, Chinese manufacturers are moving to the processes with higher value added, and the role of an ‘assembly shop’ in the region is shifting to the ASEAN countries. Russia’s participation in the value chains in the Asia-Pacific region is currently limited to its role as a supplier of raw materials. High tariffs make manufacturing oriented towards Asia less viable, especially considering that most of Asia-Pacific countries have free trade agreements with each other. However, favorable rules of origin in Asian RTAs as well as good political relations with leading Asian countries in conditions of tensions between them still create some opportunities for involving Russia in regional value chains at the more advanced stages.

Keywords: value chains, international integration, international trade, Asia-Pacific region, Russia

JEL: F13, F14, F23

REFERENCES

- Bordachev T., Likhacheva A., Zhang X. What Does Asia Want? *Rossiya v Globalnoy Politike = Russia in Global Affairs*, 2015, vol. XIII, no 1, pp. 82–95. (In Russian).
- Dyomina Ya.V. International Economic Integration in the Asia Pacific Region and Russia’s Interests: Results of 25 Years. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 2, pp. 16–40. DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040. (In Russian).
- Igntenko A.S., Indrisova V.V., Litvinova Yu.O. *Analysis of Global Chains in International Trade Patterns*. Moscow, 2017, 124 p. (In Russian).
- ASEAN+1 FTAs and Global Value Chains in East Asia. ERIA Research Project Report 2010, no. 29, 362 p. Available at: http://www.eria.org/publications/research_project_reports/images/pdf/y2010/no29/FY_2010_ERIA_RPR_No.29_All_file.pdf (accessed July 2017).

The article is prepared due to the grant of the Russian Science Foundation No. 17-18-01577 ‘Formation of the Community of Greater Eurasia and the strategy of bilateral cooperation between Russia and the countries of the region’.

- Baruah D. *Toward Strategic Economic Cooperation Between India and Japan*. Carnegie India, 2016, December 01. Available at: <http://carnegieindia.org/2016/12/01/toward-strategic-economic-cooperation-between-india-and-japan-pub-66326> (accessed August 2017).
- Dedrick, J., Kraemer K.L., Linden G. Who Profits from Innovation in Global Value Chains?: A Study of the iPod and Botebook PCs. *Industrial and Corporate Change*, 2010, vol. 19, issue 1, pp. 81–116. DOI: 10.1093/icc/dtp032.
- Global Trade Alert*. 2017. Available at: http://www.globaltradealert.org/data_extraction (accessed August 2017).
- Global Value Chains and Interconnectedness of Asia-Pacific Economies. *Asia-Pacific Trade and Investment Report: Supporting Participation in Value Chains*. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), 2015, November 2, pp. 103–138. Available at: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Chapter%207%20-%20GVCs%20in%20the%20Asia-Pacific.pdf> (accessed July 2017).
- Head K., Ries J. Increasing Returns versus National Product Differentiation as an Explanation for the Pattern of U.S. – Canada Trade. *American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 4, pp. 858–876. DOI: 10.1257/aer.91.4.858.
- Kraemer K.L., Linden G., Dedrick J. *Capturing Value in Global Networks: Apple's iPad and iPhone*. PCIC, 2011, 11 p. Available at: http://pcic.merage.uci.edu/papers/2011/value_ipad_iphone.pdf (accessed July 2017).
- Lall S. The Technological Structure and Performance of Developing Country Manufactured Exports, 1985–1998. *Oxford Development Studies*, 2000, vol. 28, issue 3, pp. 337–369. DOI: 10.1080/713688318.
- Los D., Timmer M., De Vries G. Global Value Chains: ‘Factory World’ is Emerging. *The Age of Global Value Chains: Maps and Policy Issues*. Edited by J. Amador, F.Di Mauro. London: CEPR Press, 2015, pp. 36–47. Available at: <http://www.iberglobal.com/files/2016-2/GVCs-ebook.pdf> (accessed August 2017).
- Novy D. Gravity Redux: Measuring International Trade Costs with Panel Data. *Economic Inquiry*, 2012, vol. 51, issue 1, pp. 101–121. DOI: 10.1111/j.1465-7295.2011.00439.x.
- OECD – WTO Database on Trade in Value-Added*. OECD – WTO, 2013, 4 p. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/tradedataday13_e/oecdbrochurejanv13_e.pdf (accessed June 2017).
- Orefice G., Rocha N. Deep Integration and Production Networks: An Empirical Analysis. *World Economy*, 2014, vol. 37, issue 1, pp. 106–136. DOI: 10.1111/twec.12076.
- Plan of Action to Implement ASEAN-India Partnership*. ASEAN, 2015. Available at: <http://asean.org/asean/external-relations/india/> (accessed August 2017).
- Trade in Value Added*. OECD – WTO, 2016. DOI: 10.1787/data-00648-en.
- Trade in Value Added: China*. OECD – WTO, 2015, 8 p. Available at: https://www.oecd.org/sti/ind/tiva/CN_2015_China.pdf (accessed August 2017).
- Trade in Value-Added: Concepts, Methodologies and Challenges*. OECD – WTO, 2012, 28 p. Available at: <http://www.oecd.org/sti/ind/49894138.pdf> (accessed June 2017).
- UNCTADSTAT Database*. UNCTAD, 2017. Available at: <http://unctadstat.unctad.org> (accessed August 2017).
- World Economic Outlook: Subdued Demand: Symptoms and Remedies*. International Monetary Fund, 2016, October 4, 288 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/Subdued-Demand-Symptoms-and-Remedies> (accessed August 2017).
- Yang C. Relocating Labour-Intensive Manufacturing Firms from China to Southeast Asia: A Preliminary Investigation. *Bandung: Journal of the Global South*, 2016, no. 3. DOI: 10.1186/s40728-016-0031-4.